

Анна Ветрова

**7 шагов
до рассвета**

Между двух огней

Анна Ветрова

**7 шагов до рассвета:
Между двух огней**

«Автор»

2026

Ветрова А.

7 шагов до рассвета: Между двух огней / А. Ветрова — «Автор», 2026

У Алисы Вороновой наконец всё идеально: любимый мужчина, любимая работа и долгожданная беременность. Но прошлое не отпускает так просто. На пороге её мастерской появляется Дан — первая любовь, парень с компасом, который четыре года назад исчез, не сказав ни слова. Он вернулся, чтобы всё исправить. Или чтобы всё разрушить. Одна ночь слабости, одна невыносимая ошибка, один неразрешённый вопрос: чьёго ребёнка она носит? Теперь Алиса разрывается между двумя мужчинами. Максим, узнав правду, должен решить — простить или уйти навсегда. А Дан ведёт свою игру, о которой она даже не догадывается. «Между двух огней» — чувственный, динамичный роман о том, что старая любовь может обмануть, а измена — это всегда выбор. Но прощение тоже. Семь шагов до рассвета пройдены. Начинается новый путь.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полгода	6
Глава 2. Компас	9
Глава 3. Недосказанное	12
Глава 4. Двое в одном дворе	15
Глава 5. Бабушка помнит	18
Глава 6. Десять минут	20
Глава 7. Случайности	23
Глава 8. Всё как раньше	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Ветрова
7 шагов до рассвета: Между двух огней
ЧАСТЬ
I
. «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Глава 1. Полгода

Утро в квартире на холме начиналось не с будильника, а с моря.

Оно входило в спальню через огромное окно от пола до потолка: сначала бледным серебром, потом розовым, потом тем ровным золотом, от которого стены из холодных серых становились тёплыми, почти медовыми. Алиса открыла глаза и несколько секунд просто лежала, глядя, как по потолку медленно ползёт отражённый свет. Где-то далеко, внизу, прокричала чайка. Потом вторая. Приморск просыпался, как всегда, неторопливо и шумно.

Рядом, на другой половине широкой кровати, спал Максим. Он лежал на боку, лицом к ней, и одна его рука, тяжёлая, смуглая, с едва заметным шрамом у основания большого пальца, покоилась у неё на талии. Во сне он выглядел моложе. Исчезла складка между бровей, расслабились скулы, и даже шрам над левой бровью казался не отметиной, а тонкой нитью, которую кто-то случайно оставил на хорошей ткани. Алиса смотрела на него и никак не могла привыкнуть к тому, что это её утро. Её окно. Её человек.

Полгода. Ровно полгода назад они стояли на этой крыше, ёжась от апрельского ветра, и считали ступеньки. Теперь был октябрь, и за окном висело другое небо: низкое, перламутровое, с рваными облаками. На подоконнике, в стеклянной банке из-под огурцов, догорали последние астры. Клетчатый плед, купленный когда-то за триста рублей, давно переселился с дивана на спинку кровати. На полках, среди строгих альбомов по искусству, появились её книги по реставрации, поношенные, с закладками из чеков. А в ванной, рядом с его бритвой, стояла её розовая зубная щётка, которую Максим, ворча, называл «окупантом».

Квартира, где когда-то пахло одиночеством, теперь пахла кофе, красками и ею.

— Ты опять на меня смотришь, — сказал Максим, не открывая глаз.

— Не смотрю.

— Смотришь. Я чувствую. У тебя взгляд тяжёлый.

— Это у тебя совесть нечистая.

— У меня? — Он наконец приоткрыл один глаз, серо-голубой, невозможно ясный после сна. — У меня чистая. Я вчера мусор вынес.

Алиса рассмеялась. Рука на её талии стянула ближе, и вот она уже лежит, прижавшись спиной к его груди, а его подбородок упирается ей в макушку. От него пахло тёплой кожей и кедром, и от этого запаха внутри у неё всё привычно, сладко сжалось.

— Сегодня суббота, — пробормотал он ей в волосы. — Мы никуда не идём.

— У меня заказ. Икона для церкви Святого Николая. Через неделю сдавать.

— Через неделю. Значит, не сегодня.

— Максим...

Он не ответил. Его ладонь медленно, лениво поползла вверх по её боку, под тонкую хлопковую майку, которую она носила вместо пижамы. Тёплые пальцы остановились под грудью, замерли, будто спрашивая разрешения. Алиса выдохнула и чуть повернула голову, и тогда он поцеловал её в шею, под самым ухом, там, где кожа особенно тонкая и чувствительная.

По телу прошла дрожь.

Она повернулась в его руках, лицом к лицу, и увидела, что он уже не улыбается. Взгляд стал тёмным, внимательным, сосредоточенным, таким, каким бывал у него, когда он изучал картину. Он смотрел на неё так, будто каждый раз открывал заново: линию скул, пухлые губы, золотистые крапинки в зелёных глазах, тёмную россыпь волос на подушке.

— Ты красивая, — сказал он тихо. — Я говорил тебе вчера?

— Говорил.

— Тогда скажу сегодня.

Он поцеловал её. Не торопясь, глубоко, с той особой медленной нежностью, которой не было в первые их ночи, когда они оба спешили, боялись, не доверяли. Теперь они знали друг друга. Знали, где нужно коснуться, чтобы она закрыла глаза. Знали, как лёгкое прикосновение зубов к плечу заставляет его глухо выдохнуть её имя. Знали, что можно не говорить ничего, просто быть рядом, кожа к коже, дыхание к дыханию.

Майка полетела на пол. Одеяло сползло, и прохладный утренний воздух коснулся её плеч, но она не замёрзла: его ладони были горячими. Они скользили по её спине, по изгибу талии, по бёдрам, и каждое прикосновение оставляло за собой тёплую дорожку. Алиса запустила пальцы ему в волосы, жёсткие, коротко стриженные, и притянула его к себе. Он тихо, низко засмеялся ей в губы.

— Нетерпеливая.

— Ты слишком много разговариваешь.

— Исправляюсь.

Он перекатился, накрывая её своим телом, и мир сузился до его плеч, до тяжести и тепла, до гулкого стука сердца, которое она слышала не ушами, а всей кожей. Утренний свет лежал на его спине золотыми полосами. Она провела ладонями вдоль позвоночника, чувствуя, как под кожей перекачиваются мышцы, и услышала, как он втянул воздух сквозь зубы.

Дальше слова уже не требовались. Только его имя, сорвавшееся с её губ. Только её шёпот, которого она сама не узнавала. Только медленный, нарастающий, как прибой, ритм, в котором было всё: нежность, голод, доверие, шесть месяцев, прожитых без лжи. Когда волна накрыла её, Алиса выгнулась, прижалась к нему, вцепилась пальцами в его плечи, и на мгновение ей показалось, что за окном вспыхнуло солнце. А потом наступила тишина. Тёплая, густая, звенящая.

Они лежали, не разжимая рук. Его сердце постепенно успокаивалось, и она, положив ладонь ему на грудь, считала удары.

— Знаешь, — сказал Максим хрипло, — я бы остался так на всю жизнь.

— Тогда икона не будет готова.

— Икона подождёт.

— Церковь не подождёт.

— Вот видишь. — Он поцеловал её в висок. — Ты опять права. Это невыносимо.

Она засмеялась, уткнувшись носом в его плечо. И в этот момент, посреди тёплого сонного счастья, ей вдруг стало до боли страшно. Не от чего-то конкретного. Просто так бывает, когда всё слишком хорошо: ждёшь, что кто-то постучит в дверь и скажет, что вышла ошибка.

К одиннадцати она всё-таки добралась до мастерской.

Якорная в субботу была тихой, почти сонной. Бульжник блестел после ночного дождя, из булочной на углу тянуло ванилью и тёплым хлебом, на подоконниках второго этажа, там, где жила бабушка, цвела герань. А на первом этаже, в бывшей слесарной мастерской, горел свет. Тёмно-зелёная вывеска над дверью с белыми буквами «Мастерская Вороновой. Реставрация живописи» была одной из самых любимых вещей Алисы на свете. Она до сих пор останавливалась перед ней на секунду, прежде чем открыть дверь, как перед иконой.

Внутри пахло лаком, льняным маслом и скипидаром. Белые стены, высокие потолки, большой дубовый стол по центру, сверху лампы дневного света. Вдоль стены стеллажи с банками красок, склянками растворителей, кистями всех размеров. У окна три мольберта: на одном свежеччищенный пейзаж с рыбаками, на втором икона Святого Николая, на третьем портрет купчихи, которого она боялась и обожала одновременно. Мастерская процветала. За полгода у неё появилась очередь на два месяца вперёд, заказы шли из Приморска, из соседних городов, даже из столицы. Максим, как и обещал, получил право первой руки на лучшие работы для галереи, но взамен вложил в оборудование столько, что Алиса до сих пор вела тетрадку, в которую записывала каждый вернувшийся рубль.

— Опять со своей тетрадкой? — раздался голос от двери.

Кира влетела, как всегда, ураганом. В короткой кожаной куртке поверх свитера, в рваных джинсах и тяжёлых ботинках, с коротко стриженными светлыми волосами, торчащими, как перья у воробья. В одной руке бумажный пакет с кругом корицы, в другой огромный стакан кофе. На щеках россыпь веснушек, в голубых глазах чёртики.

— Это не тетрадка, это бухгалтерия, — с достоинством ответила Алиса.

— Это маниакальное расстройство. Держи.

Кира сунула ей стакан. Алиса сделала глоток и зажмурилась: тот самый капучино, с корицей, с идеальной пенной шапкой. Прошло полгода с тех пор, как Кира с Саркисовой помощью взяла в аренду кофейню «У Киры» и наконец стала хозяйкой собственного дела. Заведение расцвело. Вечером там теперь стояли очереди, а Стас Громов, огромный и лысый, как скала, каждое утро заходил за круассаном и просиживал полчаса, глядя на Киру взглядом преданной овчарки.

— Как Стас? — спросила Алиса.

— Стас, — Кира закатила глаза, но уши у неё порозовели, — Стас носит меня на руках, готовит лучшую пасту в мире и вчера принёс мне кольцо. Не обручальное! Просто кольцо. С бирюзой. Сказал, что увидел и подумал о моих глазах.

— Кира!

— Я знаю! Я идиотка! Я стою посреди кухни и реву над бирюзой! — Она хлопнула носом и рассмеялась. — Ладно. Хватит обо мне. Рассказывай. У тебя лицо как у кошки, которая нашла сметану.

— Нет у меня никакого лица.

— Есть. Ты сияешь. Максим?

Алиса покраснела и спрятала улыбку в стакане. Кира торжествующе хмыкнула.

— Я так и знала. Всё, не отвечай. Мне и без слов видно. Знаешь, я иногда смотрю на вас и думаю: вот же, бывает. Прошли через такое, а теперь... ну, как в кино.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что в кино после такого всегда что-то случается.

— Глупости, — отмахнулась Кира. — Суеверия. Тебе просто нужно...

Она не договорила. Над входной дверью звякнул колокольчик.

Алиса, стоявшая спиной, привычно обернулась, готовая улыбнуться заказчику. Улыбка так и не появилась.

На пороге мастерской, на фоне серого осеннего дня, стоял мужчина. Высокий, жилистый, в потёртой кожаной куртке, с тёмно-русыми волосами до плеч, собранными в небрежный хвост. Лёгкая щетина на скулах, ямочка на левой щеке, серые глаза с хитринкой. На левом запястье, выглядывавшем из-под рукава, темнела татуировка: маленький компас.

Стакан в руке у Алисы дрогнул.

Время остановилось.

— Привет, Алиска, — сказал Дан.

Глава 2. Компас

Она узнала бы его где угодно. По осанке, по тому, как он стоял, чуть склонив голову набок и прислонившись плечом к косяку, будто мир был слишком мал для него, и он всегда готов отсюда уйти. По голосу, хриловатому, с той самой ленцой, от которой в шестнадцать лет у неё подкашивались колени. По запаху, который тянулся из дверей, смешавшись с запахом мастерской: морская соль, табак и ветер.

Дан Крылов. Даниил. Мальчишка с набережной, парень из порта, первая любовь, о которой она никому не рассказывала.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Голос прозвучал неожиданно спокойно. Внутри у неё всё дрожало, как проволока на ветру, но снаружи она оставалась ровной, прямой. Кира, застывшая у стойки, смотрела то на неё, то на гостя с таким видом, будто её ударили по голове мокрой тряпкой.

— Пришёл посмотреть на тебя. — Он оттолкнулся от косяка и шагнул внутрь, медленно, как заходят в воду. Осмотрел мастерскую: стены, столы, картины. Взгляд у него стал мягче. — Красиво. Ты всегда хотела такое. Помнишь, мы сидели на пирсе, и ты рассказывала про своё «когда-нибудь»? Белые стены, много света. Я тогда сказал, что у тебя получится.

— Помню.

— Вот. Получилось.

— Дан. Что ты здесь делаешь? — повторила она.

— Вернулся.

Он сказал это просто, без пафоса. И от этой простоты стало ещё хуже.

Кира очнулась первой. Подхватила пакет с корицей, куртку и, проходя мимо Алисы, прошептала сквозь зубы так, что её можно было услышать на улице:

— Позвони, если что. Я рядом. Если надо будет выбросить его в окно, у меня хороший вид.

— Кира...

— Я уйду. Но я за дверью, — громко пообещала Кира, глянув на Дана так, как смотрит кошка на чужого пса. Колокольчик звякнул. Они остались вдвоём.

В мастерской стало очень тихо. Слышалось, как капает вода в старой раковине и тикают настенные часы.

Алиса поставила стакан на стол. Ладони вспотели, и она вытерла их о джинсы.

— Четыре года, — сказала она. — Ты не писал, не звонил. Ни одной открытки.

— Знаю.

— Ты ушёл ночью. Не сказал ни слова. Оставил записку, помнишь, что в ней было?

— «Прости. Я не умею быть тем, кого ты заслуживаешь». — Он усмехнулся. Горько. — Выучил наизусть. Каждый день помнил.

— Мне было шестнадцать.

— Мне девятнадцать. И я был идиот.

Он стоял в трёх шагах от неё, высокий, загорелый, повзрослевший. Лицо стало жёстче: резче скулы, глубже складки у губ, вокруг глаз тонкие морщинки от солнца и ветра. Но взгляд остался прежним: серый, дерзкий, живой. Алиса вдруг вспомнила, как этот взгляд впервые остановился на ней тем летом, на пляже у старого порта. Она сидела на тёплом камне, подобрала колени, в мокром сарафане, и пыталась сохранить достоинство после неудачного прыжка с пирса. А он вынырнул рядом, засмеялся, протянул руку и сказал: «Тебе помочь, русалка?»

Тогда ей казалось, что это начало чего-то огромного.

Она знала Дана одно лето. Один лихорадочный, пахнущий солью и чужими сигаретами август, который растянулся для неё на целую жизнь. Он был старше, свободнее, смелее. Рабо-

тал на катере, возил туристов, знал каждую бухту, каждый маяк. Он учил её свистеть двумя пальцами, раскуривать костёр на ветру и не бояться глубины. Он целовал её на заброшенном причале, и у неё кружилась голова. Он рассказывал про дальние порты: Роттердам, Лиссабон, Сингапур. Говорил, что однажды возьмёт её с собой.

А потом, в первую неделю сентября, исчез.

Она неделю ходила по порту, расспрашивала моряков, жгла телефон. Бабушка молча ставила перед ней тарелки и ни о чём не спрашивала. Через месяц Алиса перестала плакать. Через полгода перестала ходить к воде. Через год научилась улыбаться так, что никто не замечал, как у неё внутри осталась маленькая пустая комнатка.

А Дана она вычеркнула. Даже не из памяти, а из рассказов. Даже Максиму ни разу не упомянула, что была в её жизни такая история. Не потому что хотела скрыть. Просто не было причины. Это было что-то слишком юное, слишком болезненное, чтобы показывать.

— Как ты меня нашёл? — спросила она.

— Спросил в порту. Все знают «Мастерскую Вороновой». Говорят, лучшая в городе.

— Лучшая.

— Горжусь.

— Не имеешь права.

— Знаю.

Он помолчал. Потом достал из кармана куртки небольшой предмет и положил на край стола. Старый медный компас, потемневший от времени, с поцарапанной крышкой и маленькой гравировкой на оборотной стороне. Алиса почувствовала, как сердце ухнуло вниз.

Она помнила его. Это был его компас. Тот самый, который он носил на шнурке на шее и который однажды, в первую их ночь на причале, снял и надел на неё.

«Чтобы ты всегда знала, куда идти», — сказал он тогда.

— Я хранил его, — сказал Дан. — Все эти годы. Он остался у меня, потому что ты оставила его на камне, когда в последний раз пришла искать меня. Я вернулся в тот вечер, один, и нашёл его. Хотел отправить, но не знал куда.

— Дан, я не хочу...

— погоди. дай договорить. — Он поднял руку. — Я не прошу тебя ни о чём. Просто хочу, чтобы ты знала: я не ушёл потому, что не любил. Я ушёл, потому что любил слишком сильно и испугался. Мне было девятнадцать, я думал, что не потяну. Что ты заслуживаешь лучшего. И вот четыре года я пытался стать лучше. Работал на судах. Копил. Учился. Не пил. — Он усмехнулся. — Почти не пил. Потом вернулся, потому что понял: без тебя это всё бессмысленно.

— Ты вернулся, а у меня другая жизнь.

— Вижу.

— Я счастлива.

— Вижу, — повторил он тише. — Поэтому и пришёл. Не вмешиваться. Просто сказать. Чтобы ты знала, что я не сбежал навсегда. Что я думал о тебе каждый день.

Алиса отвернулась к окну. По стеклу медленно ползла дождевая капля, оставляя за собой дорожку. Горло сдавило.

— Уходи, Дан, — сказала она. — Пожалуйста.

— Хорошо.

Он не стал спорить. Просто кивнул, развернулся и пошёл к выходу. Остановился на пороге. Обернулся.

— Я остановился в гостинице «Морская», на набережной. Номер двенадцать. Если захочешь поговорить. Хоть через год.

— Не захочу.

— Тогда просто знай.

Колокольчик звякнул. Дан ушёл.

Алиса стояла посреди мастерской, прижав ладони к столу. Потом медленно, как во сне, протянула руку и взяла со стола компас. Металл был тёплым, нагретым его кожей. Она перевернула его, разглядела гравировку. Крохотные буквы, которых она не видела четыре года:

«А. и Д. Всегда на север».

В дверь тихо стукнули. Влетела Кира, красная, запыхавшаяся.

— Он ушёл? Ты в порядке? Я хотела вызвать полицию, но Стас сказал, что нельзя за красивые глаза.

— Кира, — сказала Алиса странным, чужим голосом. — Мне нужно присесть.

— Конечно. Господи, ты белая. Кто он вообще?

— Мой бывший.

— Какой бывший? Ты мне ни разу...

— Знаю. — Алиса опустилась на табурет, разжала ладонь, глядя на компас. — Я никому не рассказывала. Это было давно. Я думала, что закончилось.

— И как?

— Не знаю. — Она подняла на подругу глаза, полные растерянности. — Я его вижу и чувствую то же, что чувствовала в шестнадцать. А потом вспоминаю, как мне было больно. И не знаю, что из этого настоящее.

Кира присела рядом и обняла её за плечи.

— Рассказать Максиму надо, — сказала она тихо.

— Знаю.

— Сегодня.

— Знаю.

Но вечером, когда Максим вернулся из галереи и они сели ужинать на кухне, Алиса не сказала ничего.

Глава 3. Недосказанное

Ужин был простой: запечённая рыба с лимоном, картошка с розмарином, бутылка белого вина, которую Максим привёз из последней поездки. Они сидели друг напротив друга за столом у окна, и за стеклом тёмным бархатом лежал залив, перечёркнутый огнями судов. Играла тихая музыка. На подоконнике горели две свечи, одна из которых, нелепая, пухлая, в форме пингвина, была подарком Стаса.

Максим рассказывал про день. Про нового коллекционера из Петербурга, который хотел купить пейзаж, но не мог решить, нравится ли ему небо. Про молодого художника, привёзшего три холста и дрожавшего от волнения так, что чуть не уронил рамы. Про то, как Стас снова пытался готовить обед на галерейной кухне и едва не поджёт салфетки.

Алиса слушала. Кивала. Улыбалась в нужных местах. Но слова доходили как сквозь вату.

— Ты где? — спросил Максим.

— Здесь.

— Нет. Ты где-то далеко.

— Устала, — сказала она. — Икона, заказы.

Он смотрел на неё, и она видела, как в серо-голубых глазах медленно проступает беспокойство. Не тревога, нет. Он был не из тех, кто паникует. Скорее внимательность хищника, который чувствует в воздухе перемену погоды.

— Алиса.

— Всё хорошо.

— Если что-то не так, мы же договорились...

— Всё хорошо, Максим. — Она накрыла его ладонь своей и заставила себя улыбнуться.

— Правда. Просто тяжёлый день. Расскажи лучше ещё про тот пейзаж.

Он ещё несколько секунд смотрел ей в глаза. Потом выдохнул и кивнул.

— Ладно. Но если вдруг...

— Я скажу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Эти слова застряли в горле, как рыбья кость. «Я скажу». Они сидели при свечах, и между ними лежал невидимый компас, тёплый, медный, с крошечными буквами на обороте.

Ночью она не спала. Лежала, повернувшись лицом к окну, слушала ровное дыхание Максима и смотрела, как луна медленно ползёт по стеклу. Он лежал позади, обнимая её одной рукой, и во сне крепко прижимал к себе, будто боялся, что она растворится.

«Скажи ему, — шептал внутренний голос. — Прямо сейчас. Разбуди и скажи».

Но другой голос, тихий, трусливый, отвечал: «Зачем? Дан уйдёт. Он сам сказал, что не собирается вмешиваться. Зачем ранить человека из-за призрака?»

И она лежала, не двигаясь, и спорила сама с собой до самого рассвета.

На следующий день в мастерскую принесли букет.

Не розы, не лилии. Простые полевые цветы: васильки, ромашки, колосья, перевязанные бечёвкой. На карточке было написано всего одно слово, мелким угловатым почерком, который она узнала с первого взгляда:

«Север».

Алиса растерянно повертела записку, потом сунула в ящик стола. Букет поставила в банку на самый дальний подоконник, за мольберт, где его не видно. Весь день косилась на него, как на змею.

Вечером, закрывая мастерскую, она увидела на тротуаре Дана.

Он сидел на ступеньках соседнего подъезда, под навесом, с сигаретой в зубах. Увидев её, не встал, не помахал. Просто поднял ладонь, словно показывая: я здесь, не подхожу.

— Ты обещал, — сказала она, подходя.

— Я не подходил. Сидел. Ты можешь пройти мимо.

— Это называется преследование.

— Это называется сидеть на ступеньках, — усмехнулся он. — На улице Якорной. Публичное место.

Она открыла рот, чтобы возразить, и не нашла слов. Дан затянулся, выпустил дым в сторону, чтобы не попадал на неё.

— Хочешь, расскажу, что делал эти годы? — спросил он. — Не для того, чтобы вернуть. Просто как старому другу.

— Мы не друзья.

— Как человеку, которому не всё равно.

— Мне не всё равно, — призналась она неожиданно для самой себя. — Но это не значит...

— Я знаю, что не значит. — Он подвинулся, освобождая ей место. — Пять минут. Потом иди домой, к своему галеристу.

— Откуда ты знаешь?

— Весь порт знает. Приморск — маленький город.

Алиса села. Она не понимала, зачем. Может быть, потому что в нём было что-то, от чего хотелось слушать. Может быть, потому что молчание, которое она носила в себе, требовало выхода.

Дан рассказывал негромко, глядя на улицу. Про торговые суда, на которых ходил четыре года: «Сатурн», «Вега», «Анна-Мария». Про шторм у Мальдивских островов, где он две ночи подряд держался за поручни и молился всем богам сразу. Про Роттердам, где пахнет сыром, дождём и свободой. Про Сингапур, влажный, душный, мерцающий, как гигантская ёлка.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал он. — Я везде видел тебя. В каждом порту. Девушка с зелёными глазами на набережной, женщина на рынке. Однажды в Лиссабоне пошёл за незнакомкой три квартала, потому что она так же собирала волосы. Знаешь, как?

— Небрежным пучком.

— Именно. — Он повернул голову, и серые глаза встретились с её. — Я хотел вернуться раньше. Каждый год собирался. Но боялся.

— Чего?

— Что ты замужем. Что у тебя дети. Что ты меня не вспомнишь. Что вспомнишь и возненавидишь.

— Я ненавидела.

— Знаю.

— Долго.

— Заслуженно.

— А потом перестала. — Она отвела взгляд. — Просто перестала. Как перестают чувствовать боль в старой ране.

Они помолчали. Из булочной напротив выходили последние покупатели. На стеклянной двери переворачивали табличку «Закрыто». Над крышами загорелись фонари, жёлтые, мутные в сыром воздухе.

— Мне пора, — сказала Алиса и поднялась.

— Конечно.

— Дан. Не приходи больше. Не посылай цветы.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я понял. — Он тоже встал, и они оказались лицом к лицу, так близко, что она чувствовала тепло его тела. — Но можно один вопрос?

— Какой?

— Ты счастлива?

Она открыла рот, чтобы сказать «да». И запнулась. Всего на долю секунды. Но он заметил. По губам скользнула тень улыбки, не торжествующей, а грустной.

— Вот и ответ, — сказал он.

— Нет. Я счастлива. Просто...

— Просто не уверена, что хочешь, чтобы я исчез.

Она резко повернулась и пошла прочь. Каблуки быстро застучали по булыжнику. Дан остался стоять на ступеньках, провожая её взглядом, пока она не скрылась в подъезде, где жила бабушка.

Глава 4. Двое в одном дворе

Максим узнал обо всём в среду.

Не от неё. Он вышел из галереи пораньше, взял по дороге пакет любимого Алисой миндального печенья и решил сделать сюрприз. На Якорной остановился в пяти шагах от мастерской, увидев в окне силуэт жены.

Он ещё не называл её так. Ни вслух, ни про себя. Но слово приходило само, всё чаще, и каждый раз внутри делалось тепло.

Алиса стояла у окна, склонившись над столом. Свет лампы золотил её волосы. Она что-то напевала, не слышно, но он видел, как шевелятся губы. И он, высокий, сдержанный человек, привыкший всё контролировать, застыл на тротуаре, как мальчишка, потому что не мог поверить, что вот это настоящее.

Дверь мастерской открылась. Вышел мужчина.

Не заказчик. Максим понял это сразу, каким-то звериным чутьём. Высокий, жилистый, в кожаной куртке, с волосами до плеч, собранными в хвост. Он остановился на ступенях, оглянулся, и по тому, как оглянулся, медленно, по-хозяйски, Максим почувствовал, как у него внутри что-то холодно щёлкнуло.

Потом из мастерской выбежала Алиса.

— Дан, стой!

Дан.

Она никогда не произносила этого имени при нём. А сейчас оно прозвучало легко, привычно, будто она повторяла его тысячу раз.

Мужчина обернулся. Алиса остановилась на пороге, держа в руках какой-то свёрток. Она что-то быстро говорила, взволнованно, жестикулируя, и Максим слишком далеко, чтобы слышать. Но он видел её лицо. Видел глаза. И то, что он там увидел, ему не понравилось.

Не любовь. Нет. Страх. Растерянность. Вину.

Он стоял на тротуаре, сжимая пакет с печеньем, и не двигался. Потом медленно пошёл вперёд.

Заметил его первым Дан. Серые глаза скользнули по нему оценивающе, как по новому противнику. На губах появилась лёгкая, чуть насмешливая улыбка.

— А вот и хозяин, — сказал он.

Алиса обернулась. Лицо её мгновенно побелело.

— Максим... Ты рано.

— Решил зайти. — Его голос звучал совершенно ровно. Он остановился в двух шагах, не отводя глаз от незнакомца. — Мы знакомы?

— Дан Крылов, — Дан протянул руку, непринуждённо, с открытой улыбкой. — Старый друг Алисы.

— Старый друг, — повторил Максим, не пожимая руки. — Не слышал о вас.

— Ничего удивительного. Мы давно не виделись.

— Насколько давно?

— Четыре года, — вставила Алиса поспешно. — Максим, я собиралась тебе рассказать. Дан просто зашёл... передать кое-что. Он вернулся в город, и мы случайно...

— Понятно.

Максим перевёл взгляд на неё. В его лице не дрогнул ни один мускул. Но Алиса, зная его теперь лучше, чем кого-либо, увидела в серо-голубых глазах то, что редко видела: лёд. Тонкий, прозрачный, готовый треснуть.

— Мы можем поговорить дома? — спросил он.

— Конечно. Да.

— Тогда я подожду в машине.

Он кивнул Дану, коротко, холодно, как кивают на похоронах малознакомым людям, повернулся и пошёл прочь. Пакет с печеньем он положил на ступеньки.

— Макс! — крикнула Алиса.

Он не обернулся.

Дан негромко присвистнул.

— Суровый.

— Замолчи.

— Он тебя любит.

— Я знаю.

— Это видно. — Дан сунул руки в карманы. — Видно, как он на тебя смотрит. Я бы тоже так смотрел. — Он помолчал. — Прости. Я не хотел создавать проблем.

— Ты их уже создал.

— Тогда я пойду. — Он посмотрел ей в глаза. — Но знай: я не из тех, кто сдаётся, Алиска. Я один раз сдался, и это самая большая ошибка в моей жизни. Второй раз не повторю.

Он ушёл, широкими шагами, не оглядываясь. Алиса осталась стоять, прижимая к груди свёрток, в котором лежал всего лишь кусок льняного полотна.

Она отперла машину Максима на третьей попытке, у неё дрожали пальцы.

В салоне пахло кожей и кедром. Максим сидел за рулём, глядя прямо перед собой. Руки лежали на руле. Он ничего не говорил. Алиса села на пассажирское сиденье, закрыла дверь.

Машина тронулась.

Они ехали молча. Приморск проплывал за окном: набережная, мост, холмы. Загорались огни. Алиса смотрела на профиль Максима, жёсткий, словно высеченный из камня, и пыталась найти слова.

— Он мой бывший, — сказала она наконец. — Из юности. Мы встречались лето, когда мне было шестнадцать. Потом он уехал. Без предупреждения. Я не видела его четыре года.

— Почему ты мне не рассказала?

— Потому что это было так давно. Я думала, что забыла.

— А он, значит, не забыл.

— Он вернулся на днях. Пришёл в мастерскую. Сказал, что скучал. Я сказала, чтобы уходил. Клянусь, Максим, больше ничего не было.

— Я тебе верю.

— Правда?

— Правда. — Он наконец повернул голову. В его глазах не было гнева. Только усталая, тёмная серьёзность. — Я верю тебе. Я не верю ему. Потому что человек, который сбегает на четыре года, а потом возвращается в тот самый день, когда у женщины всё наладилось, обычно не просто так.

— Он сказал, что не будет вмешиваться.

— Алиса. — Он горько усмехнулся. — Мужчины так не говорят. Мужчины так говорят только тем, кого не хотят потерять.

Он вырулил на холм и остановил машину у подъезда. Двигатель затих. В тишине тикал остывающий металл.

— Я не буду устраивать сцен, — сказал Максим. — Я обещал тебе, что мы всё будем говорить. Поэтому скажу честно: мне неприятно. Мне больно, что ты не рассказала сразу. Мне страшно, что я не знаю, насколько он важен для тебя. Но я не хочу ссориться.

— Он ничего не значит.

— Тогда почему ты вся дрожишь?

Она опустила взгляд на свои пальцы, сжимающие подол. Они действительно дрожали.

— Потому что боюсь, — прошептала она. — Что ты подумаешь...

— Что?

— Что я такая же, как все. Что я не могу сказать правду.

Он протянул руку, взял её ладонь, сжал.

— Ты сказала. Хотя и поздно. Я предпочитаю поздно, чем никогда. — Он помолчал. — Но больше не молчи. Ни о чём. Даже если страшно. Даже если стыдно. Договорились?

— Договорились.

— Тогда пойдём домой.

В лифте они стояли рядом, не касаясь друг друга. Потом, уже в прихожей, он вдруг прижал её к себе, резко, почти грубо, прижал лицом к груди. Она ощутила, как стучит его сердце, быстро, неровно.

— Мне нужно, чтобы ты была моей, — выдохнул он ей в волосы. — Понимаешь? Не по закону. По-настоящему. Я не умею делиться.

— Я твоя.

— Скажи ещё.

— Твоя.

Он поцеловал её. Не так, как утром, нежно и лениво. Жадно, почти отчаянно, будто хотел что-то доказать. Алиса ответила тем же, обхватила его за шею, потянула к себе. Куртка упала на пол, за ней его рубашка. Он поднял её, посадил на комод в прихожей, и стоявшая там ваза с астрами качнулась и затихла.

Его ладони обжигали. Его губы оставляли на её шее горячие метки. Она слышала, как он шепчет её имя, снова и снова, как заклинание, и сама шептала в ответ что-то бессвязное, нежное, глупое. В этом было меньше нежности, чем утром, и больше страсти, больше голода, больше желания заявить права. Но когда всё закончилось и они, дрожащие, измученные, прижавшиеся лбами друг к другу, переводили дыхание, Максим тихо сказал:

— Прости. Я был груб.

— Не был.

— Был. Я ревную. Не умею иначе.

— Я знаю. — Она погладила его по щеке. — Мне нравится, что ты ревнуешь. Это значит, что ты меня любишь.

— Это значит, что я дурак.

— Значит и то и другое.

Он засмеялся, тихо, устало, и этот смех растопил что-то в её груди. Но когда они лежали ночью в постели, обнявшись, и он давно спал, ровно дыша ей в плечо, Алиса долго смотрела в потолок. Перед глазами стояли серые насмешливые глаза и тёмно-русые волосы, перехваченные хвостом.

«Я не из тех, кто сдаётся».

Глава 5. Бабушка помнит

Нина Сергеевна заваривала чай так, будто священнодействовала. Сперва ополаскивала заварочный чайник кипятком, потом отмеряла листья медной ложечкой, потом заливала водой не до краёв, чтобы потом долить, и накрывала чайник вязаной курицей. Алиса сидела на старом диванчике в маленькой комнате и смотрела на знакомую картину над кроватью.

«Женщина у окна» висела на своём месте шесть месяцев, но Алиса до сих пор вздрагивала, когда входила. Женщина в изумрудном платье смотрела прямо ей в глаза, чуть насмешливо, чуть печально, и свет закатного окна ложился на её плечи тёплым золотом. Под рамой, на комод, стоял пожелтевший конверт, перевязанный лентой: письма Арсения. Бабушка перечитывала их по вечерам, когда думала, что внучка не видит.

В комнате, как всегда, пахло лавандой и пирогами. На стенах семейные портреты в тёмных рамах. На полках книги, фарфоровые слоники, старая шкатулка с пуговицами. Здесь время текло по-другому: медленнее, мягче. Здесь Алиса всегда чувствовала себя пятилетней девочкой, которую можно обнять и защитить от всех бед.

— Говори, — сказала Нина Сергеевна, ставя на стол две чашки с блюдами. — Что стряслось?

— Почему сразу стряслось?

— Потому что ты пришла в среду вечером, без звонка, без пирога и с лицом, как будто тебя только что вынули из холодной воды.

Алиса вздохнула. От бабушки ничего нельзя было утаить. Она придвинула чашку, обхватила её ладонями и заговорила. Про Дана. Про его возвращение. Про компас, про цветы, про встречу у мастерской, про лёд в глазах Максима. Бабушка слушала, не перебивая, помешивая ложечкой сахар, который никогда не клала.

— Дан Крылов, — произнесла она, когда внучка замолчала. — Тот мальчик с компасом.

— Ты его помнишь?

— Как же не помнить. Он приходил к нам домой, помнишь? Принёс тебе ракушку. Пахло от него морем и сигаретами. Я тогда сказала: этот мальчик слишком красивый, чтобы быть надёжным.

— Ба, ты мне не говорила.

— Ты бы не послушала. — Нина Сергеевна отхлебнула чаю. — В шестнадцать никто не слушает. Я бы сама не послушала.

Она помолчала. За окном темнело. Внизу по булыжнику простучали последние каблуки, где-то хлопнула дверь.

— Ты его любишь?

— Не знаю.

— Врёшь.

— Не вру. Я правда не знаю. Когда я его увидела, у меня всё внутри перевернулось. Но это... как будто вернулась в юность. Вспомнила, какая я была. Не знаю, любовь ли это. Может, просто ностальгия.

— Может, и ностальгия, — согласилась бабушка. — Знаешь, что такое ностальгия? Это когда человек скучает не по человеку, а по себе. По тому, каким он был рядом с этим человеком. Лёгким, смелым, молодым.

— А если не только?

— Тогда придётся разобраться. — Нина Сергеевна внимательно посмотрела на внучку. — Но запомни одно, Алисонька. Любовь не бывает «и тот и этот». Сердце одно. Оно может метаться, может сомневаться, но выбор в конце концов всегда один. И этот выбор нужно делать

честно. Не прячась. Не оттягивая. Потому что, если не выберешь ты, жизнь выберет за тебя. И выберет хуже.

— Я не хочу выбирать. Я уже выбрала. Максима.

— Тогда зачем пришла?

Алиса опустила глаза. В чашке дрожало отражение лампы.

— Потому что боюсь, — прошептала она. — Что я не такая сильная, как думала. Что стоит появиться кому-то из прошлого, и всё рушится.

Нина Сергеевна протянула руку и накрыла её ладонь своей, сухой, тёплой, с тонкими, как нитки, венами.

— Сила не в том, чтобы никогда не сомневаться. Сила в том, чтобы сомневаться и всё равно выбрать правильно. — Она слабо улыбнулась. — Ты не слабая. Ты просто молодая. А молодым всегда кажется, что любовь должна быть как гроза: громко, ослепительно. А настоящая любовь тихая. Она как этот чай. Тёплая, привычная, и без неё как-то пусто.

В этот момент на комодѣ тихо зажужжал телефон Алисы. Она бросила взгляд на экран. Сообщение с незнакомого номера:

«Мне нужно сказать тебе кое-что важное. Не про нас. Про то, почему я уехал на самом деле. Завтра, в десять, у Киры. Приходи одна. Д.»

Она подняла глаза и увидела, что бабушка внимательно смотрит на неё.

— Он? — спросила Нина Сергеевна.

— Да.

— Не ходи.

— Но он говорит, что это важно.

— Все говорят, что это важно, когда хотят, чтобы ты пришла. — Бабушка покачала головой. — Но решать тебе. Только запомни: что бы ты ни выбрала, говори потом Максиму правду. Это единственное, что отличает человека от предателя.

Алиса молча кивнула. Допила чай. Поцеловала бабушку в сухую, пахнущую лавандой щѣку и вышла на лестницу. Спускалась медленно, считая ступени. Раз, два, три...

На четвёртой остановилась и достала телефон. Пальцы повисли над экраном.

«Не приду», — набрала она.

И стёрла.

«Приду. Но только на десять минут», — набрала она.

И тоже стёрла. Потом убрала телефон в карман, так ничего и не ответив. Выйдя на улицу, она подняла лицо к небу. Над крышами висела тонкая луна, острая, как лезвие, и от неё по булыжнику тянулась длинная серебряная дорожка.

В голове стучала одна мысль, настойчивая, как пульс: «Он сказал: не про нас. Про то, почему я уехал на самом деле».

Что скрывал человек, который четыре года помнил её имя?

ЧАСТЬ

II

. «ИСКРА»

Глава 6. Десять минут

Она пришла.

Всю ночь Алиса твердила себе, что не пойдёт. В половине восьмого, пока Максим стоял в душе, она натянула джинсы и свободный серый свитер крупной вязки, который прятал её фигуру лучше любого пальто, и пообещала себе, что отправит Дану короткое сообщение с отказом. В половине девятого, поцеловав Максима на пороге, она вышла в сырое осеннее утро и пошла в мастерскую. В девять двадцать вышла из неё и свернула в сторону кофейни.

«Десять минут, — говорила она себе, шагая по мокрой набережной. — Выслушаю, скажу нет и уйду».

Кофейня «У Киры» стояла на углу Якорной и Рыбачьей, как маленький тёплый маяк. Над дверью висела вывеска из потемневшего дерева, на которой сама Кира нарисовала белой краской чашку с дымом и три кривые буквы «К». Внутри пахло корицей, жжёным сахаром и свежемолотым кофе. Жёлтые абажуры горели даже днём, и на деревянных столиках стояли баночки с сухоцветами. На стенах висели детские рисунки, афиши старых фильмов и пожелтевшая фотография Саркиса с кофейной туркой в руках. За стойкой гудела ярко-красная кофемашина, а Кира, красная не меньше, лупила кулаком по её боку.

— Ты опять работаешь? — спросила Алиса.

— Она сломалась! Я ей говорю: у тебя клиент, у тебя пар, а она... — Кира осеклась. Подняла глаза. Увидела подругу и мгновенно разгладила лицо. — А. Привет.

— Привет.

— Он там. — Кира кивнула на дальний угол, где у окна сидел знакомый силуэт. Голос её упал до шёпота. — Пришёл полчаса назад, взял чёрный, сидит как памятник. Не выгоняла, потому что платит. Но ты скажи слово, и я выпру его вместе со стулом.

— Спасибо. Не надо.

— Максиму сказала?

— Скажу вечером.

— Алиска...

— Я правда скажу, Кира. Но сначала выслушаю. Мне нужно знать, что он хочет.

Кира покачала головой, но промолчала. Взяла с полки чашку, налила Алисе капучино, поставила на стол с таким стуком, будто это была гиря.

Дан поднялся, когда она подошла. Он был в той же кожаной куртке, но под ней теперь виднелась тёмная рубашка, расстёгнутая у ворота. Волосы на этот раз распущены и падали на плечи тёмно-русыми прядями. На левой щеке при улыбке обозначилась ямочка.

— Пришла, — сказал он тихо. — Спасибо.

— У меня десять минут.

— Хватит.

Они сели. Алиса обхватила чашку руками. Из окна открывался вид на улицу, по которой неторопливо шли люди с зонтами, а на углу маленький мальчик в жёлтых сапогах прыгал по лужам.

— Говори, — сказала она.

Дан долго молчал. Крутил в пальцах пустую сахарницу, глядя на нить света, которая тянулась по столу. Потом заговорил, не глядя на неё:

— Мой отец был капитаном. Не торгового флота. У него был собственный катер, «Чайка». Возил туристов, рыбаков, иногда контрабанду, но об этом не говорили. Помнишь «Чайку»? Ты же ходила с нами на ней.

— Помню.

— Он был хороший человек. Громкий, весёлый, любил выпить и подраться. Но слабый. Азартный. Той осенью он проиграл. В карты. Серьёзным людям. Сначала катер, потом долги. — Дан сглотнул. — Эти люди пришли к нам домой. Я стоял на лестнице и слушал, как они разговаривают с мамой. Спокойно, вежливо. Тем и страшнее.

Алиса почувствовала, как внутри что-то сжимается.

— Мне было девятнадцать. Я мог пойти в тюрьму, мог бежать, мог лечь под них. Я пошёл на судно. Нанялся матросом, чтобы выплатить долг. Через неделю после того, как мы с тобой...

— Он поднял на неё глаза. — После того, как ты сказала, что любишь.

— Ты мог сказать.

— Не мог.

— Почему?

— Потому что ты бы пошла со мной. — Он усмехнулся, и усмешка вышла кривой. — Ты бы взяла сумку и пошла. Тебе было шестнадцать. Ты бы бросила бабушку, школу, всё. А я не хотел тянуть тебя в это. Я не знал, выберусь ли. Думал: пусть лучше ненавидит, чем ждёт и пропадает.

В кофейне повисла тишина. За стойкой тихо звенела посуда: Кира, судя по всему, мыла одну и ту же чашку в десятый раз.

— Ты решил за меня, — сказала Алиса медленно.

— Да.

— Ты не имел права.

— Знаю.

— Ты забрал у меня выбор.

— Знаю. — Он наклонился вперёд. — Но я хотел тебя спасти. Единственный раз в жизни сделал что-то, что считал правильным.

— Это не спасение, Дан. Это трусость.

Слова вышли резкими, и она тут же пожалела. Он не дёрнулся. Только слегка побледнел.

— Может быть, — тихо согласился он. — Может быть, ты права. Но я четыре года расплачивался. Работал, отсылал деньги маме. Отец умер два года назад. Долг почти закрыт. Остался последний платёж. — Он улыбнулся горько. — И когда я понял, что свободен, первым делом поехал сюда.

— Зачем?

— Чтобы сказать правду. Чтобы ты знала, что я не сбежал просто так.

Алиса смотрела на него и не знала, что чувствовать. Жалость? Злость? Облегчение? Всё сразу смешивалось внутри, клубилось, как туман над портом. Она видела перед собой того мальчика с причала, который когда-то смеялся и учил её свистеть. И видела мужчину, прошедшего через четыре года беды, потерявшего отца, расплачивавшегося за чужие грехи.

— Мне жаль твоего отца, — сказала она наконец.

— Спасибо.

— И то, что тебе пришлось через это пройти.

— Спасибо.

— Но это ничего не меняет.

— Понимаю. — Он откинулся на спинку стула. — Я не прошу, чтобы это что-то меняло. Просто хотел, чтобы ты знала. Теперь можешь идти.

Она допила кофе. Поднялась. Они стояли рядом, и расстояние между ними было меньше метра. Алиса чувствовала запах: море, табак, что-то тёплое, мужское, почти забытое. Сердце билось неровно.

— До свидания, Дан.

— До свидания, Алиса.

Она вышла. Колокольчик звякнул. На улице было сыро и свежо, и ветер, пахнувший дождём, ударил в лицо, как пощёчина.

За её спиной, в окне кофейни, Дан смотрел ей вслед. Потом достал из кармана телефон и набрал короткое сообщение. Всего одно слово, одному адресату. Отправил. Убрал телефон. Лицо его в этот момент было совсем не таким, каким видела его Алиса. Но этого, конечно, она не увидела.

Глава 7. Случайности

Следующие две недели в жизни Алисы стали вдруг подозрительно богаты на случайности.

В понедельник, возвращаясь из булочной, она столкнулась с Даном у двери бабушкиного подъезда. Он нёс тяжёлую сумку с продуктами для пожилой соседки с первого этажа, которой помогал, не называя имени. «Просто шёл мимо», — улыбнулся он.

Во вторник на набережной, где Алиса любила гулять в обеденный перерыв, он сидел на парапете с удочкой и ловил наживкой пустоту. «Привычка. Без неё скучно».

В среду в галерее, куда она зашла отвезти отреставрированный пейзаж, мелькнула знакомая куртка у входа. Стас, встретивший её на пороге, мрачно буркнул: «Этот тип опять окочивается. Спрашивал, где ты. Я сказал, что не знаю». Алиса вздохнула и поднялась по лестнице, делая вид, что ничего не заметила.

В четверг он принёс в мастерскую банку вишнёвого варенья от соседки с четвёртого этажа. «Попросила передать. Сказала, что ты любишь».

В пятницу они сидели вдвоём на скамейке в сквере, и он рассказывал про Сингапур, а она слушала и ловила себя на том, что смеётся. Громко, свободно, с запрокинутой головой, как в шестнадцать.

И каждый раз она убеждала себя, что это не имеет значения. Что случайности бывают. Что город маленький. Что нельзя же просто захлопнуть дверь перед человеком, который помогает старушкам, ловит рыбу на пустой крючок и искренне старается исправиться.

Вечером того же дня, лёжа в постели рядом с Максимом, она вдруг сказала в темноту:

— Дан снова приходил. В мастерскую.

Рука Максима на её плече напряглась и тут же расслабилась.

— Что хотел?

— Принёс варенье. Просто так.

— Просто так.

— Максим. Я не хочу лгать. Мне кажется, он не уйдёт. Он вернулся из-за меня. Рассказал, почему тогда уехал. Отец проиграл долг, он пошёл на суда, чтобы расплатиться. Мне его жалко. Но не больше.

Он долго молчал. Лунный свет лежал полосой на потолке.

— Жалеть не запрещено, — сказал он наконец. — Но я хочу, чтобы ты понимала. Люди вроде него не возвращаются просто так. У них всегда есть цель.

— Какая?

— Не знаю. Вернуть тебя. Или что-то ещё. — Он повернулся на бок, лицом к ней. В полутьме она видела только блеск глаз. — Я не прошу тебя прогонять его. Я не буду диктовать, с кем тебе общаться. Но я прошу одного: если почувствуешь, что что-то не так, скажи мне. Сразу.

— Скажу.

— Хорошо.

Он поцеловал её в лоб, нежно, почти по-отечески, и притянул ближе. Но в этом объятии она впервые почувствовала то, чего раньше не было: лёгкую напряжённость, неуловимую дистанцию. Максим не отстранился. Просто что-то в нём стало осторожнее.

Утром в субботу, пока он был в душе, её рука сама потянулась к тумбочке за часами и задела его телефон. Аппарат мигнул экраном. Уведомление.

Алиса не хотела смотреть. Правда не хотела. Но имя отправителя вспыхнуло так отчётливо, что глаза сами выхватили:

«Виктория: Нам нужно поговорить. Это важно. Я возвращаюсь».

Всего пять слов. Время отправки: ночью, в три часа семнадцать минут.

Она замерла. Сердце ухнуло в живот.

Из ванной доносился шум воды. Алиса медленно отёрнула руку, будто обожглась. Села на кровати, обхватив колени, и попыталась дышать ровно. Виктория. Та самая Виктория, которая уехала на юг после поражения. Которая стояла на вокзале и просила прощения. Которая, как казалось, оставила их навсегда.

«Я возвращаюсь».

Он знал. Он получил это ночью и ни слова ей не сказал. Лежал рядом, обнимал, целовал в лоб, а сам знал.

Глава 8. Всё как раньше

Она ждала до обеда.

Весь день хотела дать ему шанс. Вот он завтракает, пьёт кофе, листает каталог. Вот сообщает, что поедет в галерею на пару часов. Вот смотрит на неё, и в его глазах нет ничего, кроме тепла. Алиса сидела в мастерской, склонившись над иконой, и водила кистью по золотому нимбу, а в голове крутилась одна мысль: «Скажет или нет?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.